

- [Б. Мелиоранский](#);

- [Примечания](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [*](#)
-

Б. Мелиоранский;

Б. Мелиоранский

Василий Васильевич Болотов*

В великую субботу текущего года на Никольском кладбище Александроневской Лавры было предано земле тело почившего ординарного профессора СПб. Духовной Академии по кафедре общей церковной истории, доктора церковной истории, д. с. с. [Василия Васильевича Болотова](#). Множество учеников, товарищей и почитателей покойного провожали тело его до последнего жилища, и все – можно смело сказать: без исключения – объаты были одним чувством: чувством горькой, незаменимой утраты, чувством какого то почти озлобления на судьбу, унесшую из среды живых, безвременно и по-видимому внезапно, всего на 47-м году жизни, редкого человека и великую научную силу.

Прилагая к покойному эти эпитеты, мы хорошо знаем, что делаем. Мы были бы крайне огорчены, если бы какой-нибудь читатель, незнакомый близко с личностью и деятельностью Василия Васильевича, увидел бы в них хотя малейшее преувеличение *ad majorem defuncti gloriam*, обычное в некрологах. Еще при жизни В. В. высокоавторитетные судьи не сомневались прилагать к нему эти эпитеты; среди таких ценителей его был и наш незабвенный Вас. Григ. Васильевский. Называя покойного Болотова великой научной силой, мы говорим, может быть, слишком мало, но никак не много. Великая научная сила – это великий ученый *в возможности*; называя так человека, мы как бы говорим, что он, по своей эрудиции и дарованиям, *мог бы* составить эпоху в науке, если бы не те или иные условия. В этом, в приложении к Болотову, поистине не может быть никаких сомнений. Но, может быть, когда сочинения покойного будут изданы в свет целиком; когда ученый мир познакомится с его посмертными трудами, а также с его превосходными академическими курсами; когда умственное наследство покойного, как его Фактические открытия, так и его взгляды и метод, станут столь доступны и известны всем, как они того заслуживают – кто знает, может быть они и введут науку церковной история в новую эру, по крайней мере, в нашем отечестве, и за Болотовым утвердится тогда титул великого ученого.

Правда, сам покойный о переворотах в науке думал меньше всего. Склад его ума и дарования располагал его преимущественно к критической работе. Знакомый до тонкости как с источниками, так и с построенными на основании их историческими представлениями о религиозно-бытовой жизни Европы и западной Азии с Египтом, от седой старины и до наших времен, он ясно видел их слабые стороны: неполноту и неразработанность первых, и как следствие, недоказанность, неточность, Фантастичность и во многих случаях – заведомую ложность вторых; и вероятно потому детальную, математически точную (т. е. по крайней мере с точным указанием пределов возможной ошибки) разработку хотя бы крохотного вопросика он ставил выше блестящих широких концепций, на развитие которых уходит иногда целая жизнь ученого, и которые однако, при пристальной критике их Фактической основы, нередко рассыпаются в прах. И вместе с тем ни в знакомстве с этими концепциями, ни в умении ценить их, как создания стремящегося к обобщениям разума, ни наконец в творческой способности в этом самом направлении не откажет, думаем, Болотову никто из его знавших. Благодаря этому он, страстный любитель и мастер этой «исторической мпкрографии» или «целюлярной истории», никогда не упускал из вида, что идеальная цель науки есть обобщение; и потому «за каждой его фразой чувствуется широкая общеисторическая почва»¹, и он никогда не впадал в исследование вопросов «на какой щеке была родинка у Игоря», то есть, вопросов, очевидно безразличных для целей научного обобщения.

Так орфографический его этюд от. наз. «параволанах»² (по Василию Васильевичу οἱ παρὰβαλανεῖν indeclinabile) имеет, по-видимому, одну цель – разбить утвердившееся нелепое правописание этого слова; но, когда читатель добирается до конца этюда, он с изумлением чувствует, что ему дано гораздо больше, чем обещано – дана яркая картина братства «трудников» в Александрии, его происхождения и деятельности, и доказано, что этих параваланинцев, вопреки обычному мнению, нигде, кроме Александрии, не было. В статье «День и год мученической кончины св. Евангелиста Марка»³ читатель с трудом и вместе с восхищением следит за блестящими эрудицией и остроумием выкладками автора сперва по анализу и критике актов св. Марка, а затем по хронологии и астрономии, испытывая чувство робкого путника на головоломной горной тропинке, идущего на буксире вслед за бодрым, уверенным в себе проводником; но когда он видит себя приведенным к неожиданному и неотразимому результату: *ап. Марк убит в Александрии 4 апреля 63 г.*

нашей эры, – то громадная важность этого результата вдруг встает перед его сознанием. Если св. Марк убит в 63 г. в Александрии, то значит его Евангелие (наше ли, или его прототип) писано не позже 62 г.; а если оно писано в Риме, то в 50-х годах; значит, переводчиком Петра Марк был в 50-х годах, и тогда же ап. Петр был в Риме!... Ища повсюду света, точности и разумных оснований, В. В. сознательно отступал иногда от принятого неправильного написания слов, употребления знаков препинания и. т. д. и иногда подробно и твердо обосновывал свое «особое мнение» в печати. Такова отчасти статья о «параволанах», с примечанием 38-м о происхождении (), , и – – – , и их наиболее разумном и полезном употреблении; таков экскурс о имени Сердика (неверное ходячее правописание: Сардика) в статье «Либерий, епископ римский, и сирмийские соборы»⁴. Но и здесь чувство живой действительности всегда удерживало его от педантизма. Так, он протестовал против правописания «Феодорит, епископ киррский», находя, что в V веке говорить о г. Кирре (вм. Кире) также странно, как в XIX писать Тферь вместо Тверь.

Биография Василия Васильевича очень небогата внешним интересом. Он родился 1 января 1854 года; отец его, дьячок оставшковского Троицкого собора, вскоре затем умер, и В. В., единственный сын у матери, был на казенный счет помещен в оставшковское духовное училище и затем в тверскую семинарию. Уже здесь он обращал на себя общее внимание учителей и товарищей необыкновенной жаждой знания, исключительной памятью и сильным критическим умом. Здесь он, между прочим, без всякого руководства изучил – и превосходно – древнееврейский язык, что случайно открылось по поводу одной его учебной работы. По окончании курса в семинарии, в августе 1875 года он поступил в ССБ. Духовную Академию и тотчас же занял здесь совершенно исключительное положение: когда он был на третьем курсе, 5 марта 1878 года скончался заслуженный профессор Чельцов, и совет Академии тогда же постановил: не замещать его кафедры до окончания курса студентом Болотовым. Руководителем научных занятий его сделался с этих пор наш известный, высокоуважаемый ученый проф. [И. Е. Троицкий](#), с которым В. В. до конца своих дней был в самой тесной, трогательной, дружбе. Весной 1879 года Болотов кончил курс в Академии, а уже 28 Октября того же года получил степень магистра богословия за сочинение «Учение [Оригена](#) о св. Троице». Эта книга, по глубокому проникновению автора в сложный вопрос, по изумительному званию литературы предмета и твердой научно-критической технике была бы редким явлением в любой литературе; с трудом верится, что она окончена человеком, едва покинувшим

студенческую скамью. Проф. Троицкий впоследствии официально признал эту диссертацию, по ее научным качествам, за докторскую; в частных же беседах выражался, что за нее можно было дать «трех докторов». С этих пор В. В. приступил, в стенах воспитавшей его Академии, к учено-преподавательской деятельности, которую оставил только со смертью. 24 октября 1885 г. он стал экстраординарным, 19 октября 1890 г. – ординарным профессором; степени доктора удостоен советом 21 мая 1896 г., по докладной записке проф. [И. Е. Троицкого](#), утвержден св. Синодом 15 июля. О возможности каких-либо внешних перемен в своей судьбе он всегда вспоминал почти со страхом: до такой степени его настоящая деятельность и положение отвечали запросам его духа. Казалось, кроме науки и ее преподавания, для него не существовало ничего. Но зато наукой он интересовался в широчайшем смысле слова, на всем ее необъятном просторе, живо сознавая тесную связь всех ее областей; и благодаря этому он при личных сношениях отнюдь не казался человеком узким, сухим; напротив, это был радушный, увлекательный собеседник, прекрасный, сердечный руководитель и товарищ, чуждый всякой тени зависти к чужим талантам и успехам; критик строгий и беспристрастный к существу дела, но всегда человечно-снисходительный к лицу. Всем памятно красноречие В. В. и как собеседника и как профессора; к этому красноречию как нельзя больше подходили слова Шопенгауэра, что «весь секрет хорошего стиля состоит в том, чтобы человеку было, что сказать, и чтобы он вполне понимал, что он хочет сказать»; можно добавить: и чтобы предмет мысли и речи увлекал самого говорящего.

Эрудиция В. В. была из ряду вон. Живи он в Византии, когда-нибудь в VIII или IX веке, его за нее, как патриарха Фотия, непременно обвинили бы в сношениях с нечистой силой; а в наше время она являлась поразительным свидетельством того, каких результатов достигает феноменальная способность понимания и усвоения мыслей и фактов в союзе с пламенной всепоглощающей любовью к познанию. В. В. до конца своих дней был способен в буквальном смысле слова забывать за работой о сне и еде. В последние недели жизни, когда болезнь не позволяла ему сидеть, он *простаивал на коленях* дни и ночи на кресле перед письменным столом. Не знаешь, бывало, чему больше удивляться: точности, обилию, или разнообразию его сведений, или той их твердости и, так сказать, *привычности* их его уму, благодаря которой он, по всякому поводу, во всякую минуту, казалось без труда находил в своей умственной сокровищнице и быстро комбинировал в твердый и ясный вывод все, что

было нужно в данный случай. Болотов, казалось, не забывал ни строки из всего, когда-либо им читанного. Он знал до двадцати языков живых и мертвых, европейских и восточных, и знал не кое как, чтобы только разбирать их грамоту, а до тонкостей их стиля и диалектологии, с их историей и литературой. Таким же специалистом являлся он по части хронологии – тут он едва ли знал себе соперников в России. Для хронологии необходима астрономия; и В. В. стал астрономом; астрономия покоится на математике – и он стал математиком. Такие же специальные сведения он проявлял и в исторической географии, и в науке о древностях народов Востока, греков и римлян, и в церковной археологии и иконографии, и в метрологии; и вместе он же был блестящим догматиком и историком догмата, умевшим схватить самые неуловимые тонкости богословских систем, изложить их коротко, точно и до осязательности ясно, указать их смысл и значение. Благодаря такой эрудиции, он мог выступать, и выступал без заносчивости, но смело, со своим самостоятельным мнением против величайших научных авторитетов в любой области своего предмета.

Весьма поучительно, как сравнительно мало написал Болотов, при его эрудиции и при его неустанной работе. Μέγα βιβλίον – μέγα κακόν, говаривал он, и терпеть не мог «свежеотпечатанной бумаги», раз она не вносит в науку ничего существенно нового или вполне твердо обоснованного, и только *заслоняет* собою лучшие старые сочинения на ту же тему. Зато его статьи все без исключения строго отвечают требованиям, которые он предъявлял к ученой работе. По новости выводов, а отчасти и вопросов, по строгой логичности построения, скрупулезной полноте аргументации и вместе отсутствию всего лишнего и постороннего – все попутные замечания выделены в примечания и экскурсы – это образцовые произведения. В. В. делал все, чтобы не заставлять своих читателей трудиться даром; но надо сознаться, что изучение его статей требует серьезного труда. Чтобы их понять и оценить, их необходимо изучать строка за строкою; при легкой «перлюстрации»

через страницу они ничего не дадут, кроме тумана в голове. К необыкновенной сжатости их стиля при обилии содержания присоединяется еще то обстоятельство, что автор движется в своей аргументации из одной специальной СФеры в другую с молниеносной быстротой и уверенностью: редкий читатель сразу поспеет за ним. Вот в чем, по нашему, справедливая сторона довольно часто слышанного нами мнения, что «Болотов пишет тяжело»: в сущности, не «Болотов пишет тяжело», а людям меньшей, чем он, эрудиции, трудненько поспевать за его

мыслью. Но кто проработает его статьи до конца, тот не останется в накладе: он встанет от чтения с приятной усталостью, как от роскошного умственного пира, чувствуя, что предложенные ему яства все были самого лучшего качества и предложены ему в строго рассчитанном сочетании.

Среди трудов В. В. нет посвященных специально византийской истории⁵; но много ценных отдельных замечаний и частных выводов, относящихся к нашей науке, находится почти во всех его статьях. Уже в диссертации его «Учение Оригена о св. Троице» (помимо важной роли, которая принадлежит Оригену в истории византийского богословия вообще) есть отдел: «*Историческая судьба учения Оригена о св. Троице*», где на стр. 388 – 435 разбирается история отношений к Оригену восточного богословия до V собора включительно. Далее, статьи «Из церковной истории Египта» об изданиях Ревилью: «*Рассказы Диоскора о халкидонском соборе*»⁶ и «*Архимандрит тавенниситов Виктор при Константинопольском дворе в 431 г.*»⁷ имеют для византиниста важность прежде всего потому, что, доказывая неподлинность разбираемых памятников в прямом смысле слова, они предостерегают от слепого доверия к ним, как источникам истории III и IV собора; а в примечаниях к вып. 1 находится немало детальных «очерков и набросков», уже прямо о взаимоотношениях православной и монофизитской партий в империи в V веке. Еще теснее связаны с нашей дисциплиной статьи В. В.: «*Либерий, епископ римский, и сирмийские соборы*»⁸ по поводу диссертации г. Самуилова: «*История арианства на латинском западе*» (писанной, кстати сказать, под руководством В. В.), и его «*Theodoretiana – Addenda-corrigenda*» и «*addendis superaddenda*» к сочинению г. [Н. Н. Глубоковского](#): «*Блаженный Феодорит, епископ Киррский*»⁹. В первой статье находим тщательнейший разбор вопроса о том, ради какого вероизложения папа Либерий изменил никейскому символу, и в связи с тем – доказательство, что сирмийских соборов было не пять, а только четыре; далее хронологию диспута Фотина, еп. сирмийского, с Василием анкирским и остроумную реконструкцию этого диспута (памятник редкой способности В. В. вживаться в мельчайшие особенности богословских направлений); а в экскурсе: «*Реабилитация четырех документов 343 г.*» доказывається, что критика Гефеле, Лангена и Фридриха по отношению к этим документам неосновательна, что они вполне отвечают духу времени и обстоятельств, а также стилю и характеру Афанасия В.; с одушевлением указывается, какие живые краски дают эти документы (послания сердикского собора к папе Юлию и к мареотцам и послания Афанасия к клиру церкви в Александрии

и Паремволе, и к тем же мареотцам). Значение «Theodoretiana» состоящих почти сплошь из остальных дополнений, возражений и поправок к капитальному труду г. Глубоконского, нелегко определить в коротком некрологе; но кто проштудирует их с книгой Глубоковского в руках, тот кончит чтение с отрадным сознанием, что этот алмаз нашей церковно-исторической литературы заиграл еще ярче после окончательной шлифовки его рукой такого мастера, как покойный В. В.

Все изложенное нами не более, как $\epsilon\chi$ $\rho\omicron\lambda\lambda\omega\tilde{\nu}$ $\acute{o}\lambda\iota\upsilon\alpha$; истинное понятие как об изумительной эрудиции В. В., так и обт. объективной ценности его работ можно получить только читая их в подлиннике. О выдающихся дарованиях его, как лектора, мы уже говорили. Его академические курсы, будучи изданы, составили бы бесценное пособие для любого богословского и Филологического Факультета. К сожалению, такое издание, кажется, было бы против воли покойного. Он не «читал», а импровизировал; в литографии существуют лишь студенческие записи, им неисправленные.

Кладу перо – и в памяти встает картина похорон В. В... Торжественное служение, множество речей в похвалу покойного, Высочайшее соблезнование, на всех лицах немая скорбь по великой утрате – а посредине гроб, и в нем знакомое, бледное, мертвое лицо, почти еще совсем молодое: в темных волосах ни седины – жить бы да жить человеку... Что делать! редко «стоят» крупные русские люди!

2 июля 1900 г.

Примечания

1

Выражение И. Е. Троицкого.

См. Христ. Чтение 1892, т. 2, стр. 18–37.

Христ. Чит. 1893, т. 2. стр. 122–174 и 405–434.

Христ. Чит. 1891, т. 1, стр. 511–517.

Кроме разве «К истории константинопольской церкви под игом турецким», в Христианском Чтении 1882 г., т. 1, стр. 138–172 и т. 2, стр. 353 – 384.

Христ. Чит. 1884, т. 2, стр. 581–625, 1885, т. 1, стр. 9 – 94. Отдельно вып.

I.

Христ. Чт. 1892, т. 1, стр. 63–89, 335–361, и т. 2, стр. 18 – 37. Отдельно
вып. 3.

Христ. Чит. 1891 г., т. 1, стр. 304–815, 434–459, 511–517; т. 2, стр. 61–78, 79–109, 266–282, 386–394.

Христ. Чт. 1892, т. 2, стр. 58–124, 125–164 и отдельно.

*

Некоторые биографические данные взяты нами из 10-го номера «Церковного Вестника» за текущий год; этот № весь посвящен памяти почившего ученого. Там же читатель найдет и полный список печатных трудов его.